

Три года назад бой-бэнд DLL гремел на всю страну. Концерты собирали полные стадионы, а продажи альбомов били все рекорды.

Если бы не череда неурядиц, приведших к распаду группы, то даже сейчас, в эпоху безликих однотипных айдов и бесконечных шоу на выживание, ребята легко отвоевали бы себе место на вершине олимпа.

Шу Цяо пробыл в коллективе недолго, но помнил многое.

Вот только...

Как бы хорошо он ни помнил те времена...

Не до такой же степени?!

Ну надо же. Пятый вопрос после третьей песни, третий по счету...

И это называется «смутно припоминаю»?!

Да откуда он вообще это откопал? И как умудрился так намертво заучить?!

Шу Цяо поднял голову. В его взгляде смешались крайняя растерянность, полное непонимание и бескрайнее изумление. Он застыл, не зная, что и сказать, и уставился на Шэнь Гу.

Шэнь Гу молчал.

«Черт. Проболтался. Сдуру взял и выдал все как на духу».

Пытаясь спасти положение, молодой господин Шэнь негромко кашлянул и выдал объяснение:

— Я случайно наткнулся на это в Вейбо. Твои фанаты обсуждали.

Шу Цяо все еще сомневался:

— Но даже если так...

— К тому же, — перебил его Шэнь Гу, — у меня просто феноменальная память.

Шу Цяо лишился дара речи.

Он понял, что даже при всем желании не сможет подыграть Шэнь Гу и сделать вид, будто поверил в эту нелепую отговорку.

Они стояли в углу и молча смотрели друг на друга. От недавней теплой, трогательной атмосферы не осталось и следа.

У Шэнь Гу выступил холодный пот. Лицо его окаменело — казалось, еще секунда, и он сорвется. В душе он уже проклинал себя последними словами за длинный язык.

К счастью, сотрудники как раз закончили разбирать кофе и десерты. Время поджимало. Режиссер Чэнь поднес к губам огромный рупор и зычно прокричал:

— Общий сбор! Перерыв окончен, продолжаем съемку!

Это наконец прервало затянувшуюся немую сцену.

Шу Цяо поспешно сделал пару глотков латте, поблагодарил Шэнь Гу и, бережно неся стаканчик, поспешил на площадку.

Вернувшись в павильон, он сверился с указаниями персонала и обнаружил, что во второй половине съемок его пересадили.

В первой части, пока шло представление и само состязание, выбывшие или ожидающие своей очереди участники сидели в стороне, наблюдая за игрой и выставя оценки.

Теперь, когда его выступление закончилось, пришел черед других ребят. А это значило, что всю оставшуюся часть шоу Шу Цяо...

Придется.

Сидеть.

Просто сидеть...

Шу Цяо еще даже не опустился на сиденье, но уже почувствовал фантомную боль. Бывает же так: стоит вспомнить о кислой алыче — и во рту оскомина.

Вот и сейчас — один взгляд на жесткий деревянный стул заставил его ягодицы жалобно заныть.

А вместе с ними заныли поясница, ноги, грудь и вообще каждая мышца в теле. Куда ни ткни — сплошной синяк.

Все-таки если в самый первый раз переусердствовать и устроить слишком бурные игры, то последствия будут аукаться долго.

Но все участники безропотно рассаживались по жестким деревянным креслам, так что Шу Цяо тоже не посмел пикнуть. Он уже потянул стул на себя, собираясь сесть, как вдруг издалека донесся голос Се Вэня:

— Подождите минуту!

Режиссер Чэнь, собиравшийся скомандовать «Мотор!», обернулся и радушно отозвался:

— Брат Се, что такое?

— Погода нынче холодная, сидеть долго на жестком вредно для здоровья, — Се Вэнь подошел ближе, держа в руках огромный пакет. — Спонсоры как раз подогнали мягкие подушки. С ними будет поуютнее.

Режиссер Чэнь так и расплылся в улыбке, поспешно запричитав:

— Ох, ну надо же, спасибо большое! Вы присаживайтесь, я сам все раздам.

— Ничего страшного, я помогу.

Достав из пакета несколько подушек, Се Вэнь направился к артистам.

Первые достались Чжоу Ин и Юань Юйюй, а следующую он протянул Шу Цяо.

Эта подушка пришлась как нельзя кстати. В душе Шу Цяо вознес хвалу небесам за неожиданное везение и, рассыпаясь в благодарностях, принял подарок.

Ткань оказалась невероятно приятной на ощупь, а сама подушка — набитой мягким, упругим хлопком. Держать ее в руках было одно удовольствие.

Шу Цяо не удержался и принялся увлеченно тискать ее, поворачивая так и эдак.

Помяв обратную сторону, он перевернул подушку лицевой стороной...

И тут же заметил кое-что странное.

Посередине красовалась вышивка.

Кособокий, нелепый котенок.

Он занимал самое видное место прямо по центру — белый пушистый комочек в синих меховых наушниках. Рисунок был простейшим, но линии то и дело кривились, швы шли вкось, а в паре мест и вовсе торчали нитки.

Надо иметь особый талант, чтобы вышить кота так, что он стал похож на поросенка.

И все же этот силуэт, пускай уродливый и абстрактный...

Показался Шу Цяо смутно знакомым.

Это же был его маскот. Персональный символ, созданный фанатами.

Год назад один из его немногочисленных тогда поклонников нарисовал милую картинку и подарил ему.

На том рисунке красовался белый котенок в таких же точно синих наушниках, в каких сам Шу Цяо выступал на зимнем концерте. Малыш выглядел очаровательным пушистым снежком.

Растроганный Шу Цяо тогда так обрадовался подарку, что сразу поставил его на аватарку в Вейбо. С тех пор фанаты использовали этот образ для его поддержки.

Но он никак не ожидал увидеть уникального котенка на этой подушке.

Шу Цяо приподнялся на цыпочки и украдкой оглядел подушки других участников.

Все они были совершенно одинаковыми — чистыми, без каких-либо рисунков. И только его подушка выделялась. словно кто-то нарочно, не жалея сил, вышил этого смешного кривого кота.

Пускай вышивка вышла неумелой и неказистой.

Зато в нее вложили прорву труда.

Тут явно кто-то очень старался. Пыхтел, колол пальцы, путался в нитках, но упрямо довел дело

до конца.

А потом принес сюда.

На душе у Шу Цяо стало тепло и одновременно щемяще-грустно, к горлу подступил ком.

Он вскинул голову, выискивая взглядом Се Вэня, и заметил его в дальнем углу павильона — тот о чем-то переговаривался с Шэнь Гу.

Поскольку съемку еще не объявили, Шу Цяо прижал подушку к груди, осторожно провел пальцами по шершавым стежкам и побежал к ним, негромко позвав:

— Брат Се!

Се Вэнь прервал свою неторопливую речь и обернулся.

Шэнь Гу, подпиравший плечом стену, тоже медленно поднял глаза.

Заметив, с какой нежностью юноша прижимает к себе подушку, киноимператор едва заметно сощурился, и в его взгляде промелькнула мягкая, теплая искра. Но она растаяла мгновенно, подобно цветку кактуса в ночи, и лицо Шэнь Гу вновь приняло привычное бесстрастное выражение.

Се Вэнь кашлянул и с улыбкой спросил:

— Да, Цяо-Цяо, что случилось?

Шу Цяо поудобнее перехватил подушку и тихонько спросил:

— Брат Се, а можно узнать... кто передал мне эту подушку?

Улыбка Се Вэня мгновенно застыла. Он лишился дара речи.

Заметив его замешательство, Шу Цяо робко добавил:

— Это... секрет?

Секрет или не секрет?

Се Вэнь замялся, переводя взгляд с одного на другого. Ему пришлось незаметно покоситься на стоявшего рядом благодетеля.

Тот даже бровью не повел, но наградил менеджера таким леденящим душу взглядом, будто посылал безмолвную угрозу: «Только попробуй ляпнуть лишнего».

Се Вэнь мысленно взвыл.

«Да чтоб тебя! Я бы рад сказать нормально, но ты сам-то дал мне хоть единый шанс?!»

Вспомнив этот взгляд и серьезное лицо Шу Цяо, Се Вэнь невольно вернулся мыслями к их недавнему разговору в гримерке.

Перед уходом Шэнь Гу, величественный и безупречный, прислонился к косяку и изрек:

— Я выбрал из восемнадцати подушек самую красивую. Проследи, чтобы она попала к Шу Цяо в целости и сохранности. Если по своей глупости потеряешь ее, бери запасную — ту, что лежит на моем диване первой слева. Ее я вышивал второй по счету, она тоже ничего.

Се Вэнь тогда только безмолвно покачал головой.

«Ну надо же, какой детальный план».

Шэнь Гу подпер подбородок рукой:

— И еще. Там будут старшие коллеги. Купи побольше точно таких же подушек и раздай всем, чтобы Шу Цяо не стеснялся пользоваться своей.

Се Вэнь мысленно закатил глаза.

«Какая трогательная забота».

— Да, и если он спросит, кто подарил — не говори, что это я.

Се Вэнь опешил:

— Не говорить?

— Да, — кивнул Шэнь Гу. — Но и не говори, что это не я.

Се Вэнь тогда окончательно выпал в осадок.

«Что за подарок Шредингера? Если хочешь, чтобы он знал — скажи прямо. Если нет — молчи как партизан. И рыбку съесть, и таинственность сохранить? Ну и характер у тебя, господин Шэнь, черт ногу сломит!»

И вот теперь Шу Цяо стоит перед ним и ждет ответа. Голова Се Вэня раскалывалась от боли. Он набрал в грудь воздуха и после долгой паузы выдавил:

— Сказать-то можно... Но не совсем.

Шу Цяо растерялся:

— Это как? То есть ты знаешь или нет?

— Знаю, — уныло протянул Се Вэнь. — Но не совсем.

Шу Цяо окончательно запутался.

«Может, я просто глупый?»

Но пускай у него не хватало сообразительности распутать эту шараду, дураком он не был. В этих словах явно крылся какой-то подвох.

Се Вэнь — опытный, тертый жизнью менеджер Шэнь Гу, он не стал бы молоть чепуху без причины. Если это звучит странно, значит, в этом есть глубокий смысл.

По логике вещей, знать про маскота могли только преданные фанаты. И вышить его с такой любовью тоже мог только фанат.

Но если бы это был обычный поклонник, к чему вся эта таинственность? Ответил бы прямо, да и дело с концом.

И самое главное. С какой стати его фанат стал бы передавать подарок через Се Вэня?

Даже если бы даритель пожелал остаться инкогнито, логичнее было действовать через Вэнь Мина или сотрудников медиа-компании «Насин». При чем тут менеджер Шэнь Гу?

Размышляя над этим, Шу Цяо задумчиво потер лоб. Его взгляд рассеянно скользнул вниз и случайно наткнулся на руки Шэнь Гу, скрещенные на груди.

Шу Цяо замер.

У Шэнь Гу были поразительно красивые руки: длинные, изящные пальцы с безупречными очертаниями ногтей, кожа гладкая и светлая, словно благородный белый нефрит. В кадре он никогда не пользовался услугами дублеров, и режиссеры обожали смаковать его жесты, давая крупные планы рук на несколько секунд.

Но сейчас...

На этих некогда идеальных руках красовалось несколько пластырей. На одной руке сразу три пальца были заклеены. Из-под краев пластыря виднелись свежие царапины — тонкие, но яркие и глубокие на его фарфоровой коже.

Шу Цяо помнил из старых интервью, что Шэнь Гу терпеть не может ручной труд, безумно дорожит своей внешностью и бережет каждый сантиметр кожи.

И вдруг такие травмы. Да еще сразу в нескольких местах.

Шу Цяо не на шутку испугался:

— Учитель Шэнь Гу, а что у тебя с руками?

Шэнь Гу, опешивший от неожиданно мягкого обращения, на секунду потерял бдительность и брякнул первое, что пришло в голову:

— Иголкой исколол.

Шу Цяо осекся:

— Иголкой?..

Се Вэнь мысленно хлопнул себя по лбу.

«О боги, приплыли».

Услышав собственный удивленный голос, Шэнь Гу мгновенно опомнился и понял, что сморозил глупость.

Шу Цяо недоверчиво посмотрел на его пальцы, переводя взгляд то на пластыри, то на лицо актера:

— А откуда взялась иголка?

Шэнь Гу кашлянул, стараясь сохранить невозмутимый вид:

— На съемках.

— На съемках?

— Ну да, сцена такая была, — глазом не моргнув, соврал киноимператор. — По сюжету злая дворцовая нянька пытала меня иголками.

Шу Цяо притих.

Се Вэнь тоже промолчал.

«Ну ты и мастер заговаривать зубы. И ведь врет с таким лицом, будто все вокруг дураки».

Но раз уж это сказал сам Шэнь Гу, Шу Цяо оставалось только кивнуть.

Он отбросил сомнения и заботливо произнес:

— Тогда... будь осторожнее в следующий раз. Ладно, режиссер Чэнь уже зовет, я побежал.

Шэнь Гу кивнул, но стоило юноше повернуться, как он добавил:

— Погоди.

Шу Цяо остановился и обернулся.

— Больше не называй меня так официально, — попросил Шэнь Гу. — Называй просто по имени.

Все-таки Шэнь Гу был величиной в мире кино. Молодой киноимператор, перед которым заискивали даже именитые режиссеры. Обращаться к нему просто по имени казалось Шу Цяо верхом неприличия и фамильярности.

Он неловко замялся:

— Но... это как-то неправильно...

— Вот именно, — вмешался Се Вэнь. — Представь, если другие младшие коллеги услышат, как Шу Цяо зовет тебя просто по имени? Что они подумают?

Шэнь Гу недовольно поморщился.

Он терпеть не мог все эти официальные обращения. В слове «учитель» сквозило слишком много уважения и, что хуже всего, непреодолимая дистанция. А он хотел от Шу Цяо совсем другого.

Но слова менеджера имели смысл.

Ему-то самому было плевать, но Шу Цяо и так постоянно подвергался нападкам хейтеров. Стоит кому-то зацепиться за «непочтительное отношение к старшему коллеге» — и полетят новые грязные слухи в сети.

Но и оставаться прежним он не желал категорически.

Шэнь Гу лихорадочно соображал, перебирая варианты, и вдруг его осенило.

— Придумал.

Киноимператор посерьезнел и тоном, не терпящим возражений, произнес:

— Раз уж тебе неловко звать меня по имени, а мне не нравится официоз, давай найдем компромисс. С этого момента зови меня так, как зовут твои фанаты в сети.

Отличный выход! И не слишком официально, и звучит вполне естественно.

Вот только Шу Цяо удивленно захлопал ресницами:

— А как они тебя зовут?

Шэнь Гу окинул его долгим, внимательным взглядом, прочистил горло и с самым серьезным видом выдал:

— Братиком. Или кумиром, любимым... На крайний случай сойдет и «муж».